

Алексей Олифиренко

Герминация

Алексей Олифиренко

Герминация

<https://litres.ru/73959954>

SelfPub; 2026

Аннотация

Неофеодальный пост-апокалипсис. Глобальная катастрофа завершила Кремниевую эпоху на Земле. Цивилизация в прежнем виде разрушена ядерными ударами противоборствующих сторон. Мир расколот на изолированные Города, в которых выживают остатки человечества. В условиях дефицита ресурсов развитие технологий остановилось и превратилось в попытки сохранить текущий уровень техники. Новая реальность определила актуальные принципы для организации общественной жизни в Городах. Но так будет не всегда.

Алексей Олифиренко

Герминация

Я проснулся отдохнувшим, комната была наполнена светом. Я провел рукой по одеялу, чтобы почувствовать текстуру ткани, со следующим вздохом ощутил цветочный аромат стирального порошка. Вокруг не было звуков, по крайней мере, лесного шума. Укусы вшей еще чесались, под конец паломничества я остался без всего, даже без термобелья.

Невольно вспомнился инструктор по прозвищу Харон. Спокойный и чёткий, сухо выдающий инструкции, без шуток и без приколов. Эмпатию он потерял вместе с частью мозга, когда застрял в Дикой земле на полгода. Теперь ему могли дать только простую работу, наподобие привратника. Но Харон был на своём месте и это спасло много жизней. Его голос был скрипучим, почти механическим: "Твоя жизнь больше ничего не стоит, за границей Города все, что у тебя есть, представляет ценность. Тебя зарежут без раздумий только ради одежды, за всем остальным снаряжением устроят охоту. Твоя задача не дать им напасть или убить первым. Чужие жизни беречь не стоит не только потому, что они неграждане, но и потому, что они сами их не ценят."

Перевернувшись, я начал вспоминать последний сон.

Я брёл по отмели, тяжело переставляя ноги, вязнущие в иле. Вода двигалась из-за течения или ветра, она текла спо-

койно, отчего водоросли растянулись на поверхности и образовали длинные полосы. Я шёл поперёк, водоросли собирались на моих ногах большими пучками, поэтому мне периодически приходилось останавливаться и обрывать их. Вокруг появлялись фигуры людей, то-ли они подходили, то-ли я сам привлекал их. По ним сразу было понятно, что у них проблемы, им всем что-то было нужно. Всё они чего-то просили у меня открыто или молчаливо. Но я шёл мимо, я шёл вперёд чтобы помочь всем сразу.

Только одного из них я коснулся, точнее попытался взять за руку. Это был мальчик, он ждал свое время, ждал чтобы явиться, чтобы начать быть. В какой-то момент я почувствовал, что сжимаю его руку, но она растворилась как дым.

Смутный получился сон. К чему эта метафора подсознания, к прошлому или к будущему? Кто этот мальчик, я или какой-то мой нерождённый сын? Правильно ли я делал, что игнорировал всех? Нужно ли продолжать свой путь?

Пришло время завтрака. Я отхлебнул травяной чай и еще раз отметил, как сухо и тепло в моей комнате. Пройдя через лишения Диких земель, начинаешь ценить простые вещи. Свой экзамен я сдал, вернулся живым из первого паломничества к святыням кремниевой эпохи. Хотя каждый четвертый не возвращается, каждый второй вернувшийся получает серьезные травмы. Все опасности позади и эту неделю я проведу в карантине за написанием отчета, это возможность отдохнуть и прийти в себя. Есть время, чтобы разобраться

в опыте и составить план на будущее. Отчёт за первое паломничество определит не только мою будущую специализацию, но и возможность принять участие в ежегодном Турнире. Завтра придет младший клирик, чтобы обсудить как должен быть подготовлен отчет о паломничестве.

Дикие земли — это страшилки на ночь для детей и взрослых. Радиоактивные пустоши, дикие животные, мутанты и монстры, инфекции и токсины. Попасть туда могут только послушники, завершившие обучение, обыватели довольствуются официальными новостями и сплетнями. Каждый знает, что там лишь бесконечное выживание без надежды на безопасность.

Снова и снова все паломники повторяли одно и то же — нищета и голод. Но я увидел другое, слабые перемены к лучшему. Люди там перестали выживать, они «накопили жирок». Это еще не процветание, но минимальный достаток, который позволяет накапливать и торговать. Одежда больше не похожа на лохмотья из лоскутов старых тряпок, теперь много новых вещей, пошитых из кожи и шерстяных тканей. Дома отремонтированы и даже есть новые постройки. При мне устраивали праздники, приглашая всех желающих разделить радость свадьбы или рождения ребенка. Застольем это не назвать - один раз это был большой котел густого супа, в другой раз гороховый плов. Караваны между деревнями стали регулярными и нападения разбойников почти прекратились. Мир немного успокоился и стал жить размеренно.

Сидя в Городе под надежной защитой, мы пытаемся совершенствовать роботов, создавать виртуальные миры и алгоритмы для координированной работы роев не для того, чтобы бы получить дом с большим экраном, развлекательной консолью и наполненным холодильником. Нас учат выживать, находить остатки старых технологий и беречь то, что осталось ради лучшего будущего. Я уверен, что «эпоха разбросанных городов» скоро закончатся, но эта тема считается фантастической. Для меня очевидно, что процесс укрупнения запустится снова, и скорее всего он не будет мирным. В следующей эпохе воюющих городов победителем станет тот, кто создаст лучший генерализованный управляющий алгоритм. Наверняка не я один думаю об этом, в других городах рассуждают также.

Город панически боится внешней заразы, поэтому первый день будет посвящен медицинскому обследованию, для каждого вернувшегося из Диких земель. Для здешних медиков ты потенциальный контейнер с бактериями, вирусами, паразитами или лучевой болезнью, способный превратить в хаос хрупкий покой нашего оазиса.

Первым пунктом в списке шел расширенный забор биоматериалов. В первые дни врачи даже не подходят к возвращенцам, поэтому ко мне с тихим жужжанием сервоприводов подкатила автоматическая лабораторная тумбочка. Её механические действия были лишены даже намек на сострадание: холодный зажим, прикосновение дезинфицирующего

тампона к локтевому сгибу, а затем тупой, резкий укол иглы.

Я неподвижно наблюдал, как в стеклянные вакуумные пробирки одна за другой устремляются темно-бордовые струи моей крови. Семь пробирок, чтобы медицинская система разложила кровь на составляющие: гормоны, маркеры радиационного поражения клеток, тяжелые металлы, стабильность генома и т.д. После крови наступил черед дыхательного теста: тяжелая пластиковая маска легла на лицо, заставляя меня дышать в такт мерным щелчкам газового спектрометра, который выискивал в моих легких следы чужеродных бактерий или подозрительных веществ.

Потом мне выдали 10 довольно больших таблеток наносорбента и 1 литр воды, от него во рту появился стойкий, едкий металлический привкус. Препарат агрессивно связывал и вымывал яды, токсины и радионуклиды, которые я успел подхватить, пока пил воду из диких ручьев и ел всякую дичь. После приема наносорбента предписывалось 2 час ничего не есть и не пить.

После обеда меня перевели в сектор деконтаминации для прохождения физиопроцедур. Центральной частью этого процесса была капсула реабилитации — узкий металлический ящик, утыканный датчиками и излучателями. Едва за мной захлопнулась герметичная крышка, в уши ударил нарастающий, тяжелый гул магнитно-резонансных катушек. Ультрафиолет сменялся направленными потоками электромагнитных полей. Кожа под их воздействием зудела, укусы

лесных вшей вспыхнули нестерпимым жаром, и мне стоило огромных усилий лежать смиренно.

Заключительным этапом физического очищения стал гидромассаж в глубокой солевой ванне, заполненной подогретым минеральным раствором. Тяжелые, хлесткие струи воды с силой били в уставшую спину, лопатки и бедра, буквально выбивая из мышц свинцовую ломоту, накопленную за километры пеших переходов по лесам, отмелям и радиоактивным пустошам. Жидкость бурлила, смывая последние частицы ороговевшей кожи и грязи. Мне даже пришла мысль, что эти процедуры и вкусный ужин, не доступные в обычной жизни, могут быть скромной наградой для вернувшегося паломника.

Второй ночью мне снилась Тень. Не страшная тьма или бездна ужаса, а скрывающая пелена или туман. Такая нейтральная тень, естественная как вечерний сумрак. И все вокруг несло её отпечаток, как ниточки паутины или волокна старой пыли, которые висят в дверных проёмах. Были места куда посмотреть совсем невозможно. Просто голову не повернуть, потому что не надо, незачем. Я все бродил и искал что-то, сам не знаю что. Никак не мог понять зачем я тут и что ищу. Только понял — это неведомое скрывается именно в тени. Это что-то важное, что-то для своих. То, что не должен знать чужак или случайный прохожий. Тень эта не просто так, а вся она от чего-то. Как будто есть какой-то центр,

и все маленькие тени исходят от него.

Я проснулся раздраженным и уставшим. Как будто еще прячусь в подвалах. Там лучше спать с одним открытым глазом, опасность за каждым камнем и в кронах деревьев.

Местные знают про паломников, видят их неопытность и при случае этим пользуются. Молодые паломники больше похожи на щенков, исследующих границы возможного. Они часто вступают в пустые разговоры на постоялых дворах, выдавая детали своего маршрута и ценность снаряжения, забывая суровые наставления Харона. А ведь за каждым приветливым трактирным разговором, за каждым заманчивым предложением показать короткую дорогу скрывается расчетливая засада. А там хваленая подготовка Академии не спасает от внезапного удара ножа в спину от тех, кто ценит поношенную куртку дороже чужой жизни.

Поэтому, договорившись с проводником, надо зайти в трактир, чтобы свериться с надежным человеком. Единственным таким человеком был трактирщик по кличке Рябой. Только он не сидит на месте и может пропадать на сколько дней. Тогда послушнику приходится ждать его возвращения. Все знают про него и заходят отметить, хотя это не закреплено инструкциями и в большей степени традиция.

Рябой был изгнан и теперь живет с дикарями. Про него рассказывают много удивительных небылиц, например, что он постоянно меняет внешность, для паломников найти его бывает не просто, даже когда знаешь где искать. К счастью,

Рябой имеет мутный правый глаз и шрам на виске, так что его всегда можно узнать. В остальном он всегда удивлял: мог побриться на лысо или отрастить патлы ниже плеч, покрасить волосы в рыжий или высветлить до седого. Мог одеться ярко или завернуться в «плащ листвы». Он даже умудрялся менять свое телосложение: быть смертельно худым или располнеть.

После завтрака я размотал карту и накидал схему поселка у реки. Все еще думая о таких «затемненных» местах из моего сна, я вспомнил, что даже этот словесный корень широко вошёл в их речь. Мне не раз слышалось темнишь, как глагол, и даже темнышь, как существительное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.